

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин
Симонов

Доброе имя

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Константин СИМОНОВ

Доброе имя

«ФТМ»

1954

Симонов К. М.

Доброе имя / К. М. Симонов — «ФТМ», 1954 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

В центре многонаселенной производственной пьесы «Доброе имя» разногласия коллег по поводу одного из «писем-сигналов», поступивших в редакцию. Толком не разобравшись в сути дела и не послав корреспондента в университет, из которого поступила жалоба на одного из преподавателей, газета поспешила опубликовать едкий фельетон, вследствие которого человек лишился должности. Получив многочисленные письма в поддержку преподавателя от его студентов, журналисты ведут себя по-разному: руководство и часть сотрудников считают, что опровержение фельетона испортит репутацию газеты и не реагируют, другие же – в первую очередь, беспокоятся за судьбу человека, которого они, возможно, оболгали.

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Симонов
Доброе имя
Комедия в трех действиях, пяти картинах

Действующие лица

Вера Ивановна Крылова – заведующая отделом писем в областной газете, 30 лет.

Дима – ее сын, 10 лет.

Василий Степанович Широков – разъездной корреспондент газеты, 37 лет.

Петр Петрович Брыкин – друг Широкова, заместитель редактора газеты, 38 лет.

Николай Борисович Черданский – исполняющий обязанности ответственного секретаря газеты, 45 лет.

Антон Андреевич Дорохов – редактор газеты, 45 лет.

Константин Акопович Акопов – заведующий промышленным отделом газеты, 48 лет.

Сергей Сергеевич Санников – литературный сотрудник, 22 лет.

Катя – секретарь отдела писем, 19 лет.

Тамара Филипповна – дежурный секретарь, 55 лет.

Анна Аветиковна – жена Акопова, акушерка, 50 лет.

Таня – жена Брыкина, 27 лет.

Илларион Алексеевич Трапезников – главный режиссер театра, под 60 лет.

Александра Викторовна Трапезникова – его жена, заслуженная артистка республики, 50 лет.

Андрюшин.

Пожилой человек.

Посетитель в очках.

Кронид Иванович Твердохлебов – доцент, геолог, 40 лет.

Место действия – областной город в северной части России.

Время действия – наши дни.

Действие первое

Картина первая

*Однодневный дом отдыха в окрестностях областного города. Двухэтажный оштукатуренный дом. Веранда. Клумбы. Несколько скамеек и шезлонгов. Влево уходит аллея, направо виден штакетный забор, калитка. Вечереет. В шезлонге **Черданский** – крепкий мужчина с живым, подвижным лицом. Напротив него на скамейке **Санников**. Черданский сидит развляясь, с трубкой в зубах. Санников – весь внимание, преданно слушает его.*

Черданский. Всю жизнь мечтал сидеть вот так после обеда, не спеша курить трубку... И не в однодневном доме отдыха, как сегодня, а каждый день. А вместо того всю жизнь жевал редакционные бутерброды и пил редакционные чаи. Но газета – это газета, Сережа, и настоящий газетчик ее не бросает, даже если черствые бутерброды и черствые редактора укорачивают его жизнь. Настоящий газетчик так или иначе умирает в пятьдесят – в буквальном или в переносном смысле слова.

Санников. Ну, вы, Николай Борисович, по-моему, еще лет двадцать будете работать, как зверь.

Черданский (*усмехнувшись*). Тут? Как зверь? (*Набивая трубку.*) Конечно, на здешнем уровне моя старая газетная хватка выглядит чем-то особенным, почти опасным. А я живу тут вот уже десять лет и думаю: семечки! Разве так можно делать даже эту областную газету? Семечки! Курорт!.. (*Вдруг.*) Где у вас сердце?

Санников (*недоуменно прижав руку к груди*). Здесь.

Черданский. А сердце газеты не имеет определенного местопребывания. У газеты блуждающее сердце: оно то здесь, то там. И иногда оно, простите, бьется не в редакторском кабинете, а за скромным столом ответственного секретаря. (*С ироническим полупоклоном.*) Это, как говорится, не для стенограммы, но, пока я жив, получше приглядывайтесь и к моим достоинствам и к моим недостаткам; все вместе взятые они как раз и образуют то, что называется настоящим газетчиком.

Санников. Мне еще учиться и учиться!

Черданский. Ничего! У вас уже появилась газетная хватка. На последней летучке вы неплохо разделили Крылову за эти нудные читательские письма, которые она через мою голову все-таки сунула в газету! Верно выступили!

Санников. Я – как вы посоветовали. (*Вертит в руках трубку.*)

Черданский. Что это вы – перешли на трубку?

Санников (*неуверенно*). Перехожу понемногу.

Черданский. Тогда возьмите моего табаку. (*Протягивает кисет.*) Газетчик не может знать всего на свете, но взамен у него должно быть чутье. И тут уж одно из двух: или оно есть, или его нет...

Входит Широков – рослый, загорелый, слегка сутуловатый. Одет небрежно: грязные ботинки, подвернутые внизу старые брюки и хороший новый пиджак с набитыми всякой всячиной карманами. В руках у него удочки и полная рыбы авоська. Он чуть заметно навеселе.

Скажи-ка, рыболов, как, по-твоему, – нужно газетчику чутье или ему нужен только диплом о высшем образовании и любовь месткома за хорошее поведение?

Широков (*вешая авоську на спинку скамейки*). Любовь месткома – вещь полезная, но чтобы ее заслужить, нужно иметь хорошее поведение, которого у нас с тобой нет, так же как и достаточного образования. Остается ссылаться на чутье, что, как я вижу, ты и делаешь... (*Санникову.*) Сережа, говорил вам Николай Борисович, что газетчик умирает в пятьдесят?

Санников (*нерешительно*). Говорил...

Широков. Не верьте ему! Он преспокойно доживет до восьмидесяти.

Черданский (*усмехнувшись*). Откуда столь точные сведения?

Широков. Чутье бывшего фронтовика. Такие люди, как ты, не любят умирать раньше других.

Черданский. А такие, как ты?

Широков. А такие, как я, любят выпить по воскресеньям, в особенности если рыбалка, да такая хорошая, как сегодня. Такие, как я, предпочитают молча сидеть над поплавком (*подмигнув Санникову*), чем делиться с молодыми людьми своим незаконченным гимназическим образованием.

Санников (*с неожиданной решимостью*). По-моему, Василий Степанович, не только мне, но и вам еще есть чему поучиться у Николая Борисовича! (*Встает.*)

Широков (*миролюбиво*). А я уже. (*Кивнув на Черданского.*) У него ведь курс обучения годичный. За год все, что знает, расскажет, а потом все с начала – как шарманка! (*Черданскому.*) Верно я говорю?

Черданский. С рыбаками выпивал?

Широков (*добродушно*). Уха была!

Смерив Широкова уничтожающим взглядом, Санников уходит.

Черданский. Нашел при ком показывать свое остроумие!

Широков. А я нарочно. Дай, думаю, подорву твой авторитет, а то еще забьешь мальчишке мозги всякой чепухой... Хочешь, скажу, как по нотам, все, что ты ему говорил? Что газета у нас скучная. Что тебя не ценят. То ли дело было раньше – во время оно! И заголовки были гениальные и редактора отчаянные. А теперь все не так. Только ты один такой зубр остался. Вымираешь, вымираешь, и все никак не вымрешь!

Входит Тамара Филипповна в летнем, очень ярком платье, с книгой в руках.

Черданский. Присаживайтесь, Тамара Филипповна.

Тамара Филипповна. Я, если вы успели заметить, после обеда всегда стою. Хотела поболтать с нашими редакционными девушками, но они (*иронически*) предпочитают волейбол.

Широков (*встает*). Необразованность, Тамара Филипповна.

Тамара Филипповна. Несмотря на вашу иронию, вы не так уж далеки от истины.

Широков. Что вы читаете?

Тамара Филипповна. Метерлинка. (*Хочет показать Широкову книгу, но раздумывает.*) В подлиннике – по-французски. (*Удаляется.*)

Широков. Второй год читает и, по-моему, всегда посередине, чтобы держать было удобней. Ох, смерть не люблю интеллектуальных дам! И чего только она у тебя в секретаршах застряла?

Черданский. Ничего удивительного. Приехала в эвакуацию, интеллигентный человек, я ее немножко знал еще по Ленинграду. Образования у нее не отнимешь...

Широков. И отнимать нечего – обыкновенная малограмотная гусыня. Наверное, ходит вокруг тебя, хлопает крыльями и гогочет – вы, Николай Борисович, у нас единственный интеллигентный человек, разве вас здесь понимают? А ты и таешь!

Черданский. Ладно, пусть таю. А что, положи руку на сердце, разве меня здесь ценят? Почему Брыкин, у которого газетный опыт – вот! (*показывает пальцами, какой маленький опыт у Брыкина*) – и сразу из партийной школы в заместители редактора, а я, горбом дослужившись до ответственного секретаря, все еще не утвержден обкомом? Третий год исполняю обязанности!

Широков. Так у тебя же два выговора было.

Черданский. Было, да сплыло. Не ошибаются только бездельники!

Широков. Ну, значит, теперь утвердят. Чего ты расстраиваешься?

Черданский. Мне утверждение не для денег и не для славы нужно. А чтобы Брыкин перестал меня цукать, как маленького, чтобы я тоже мог, в случае чего, по столу кулаком!

Широков. Зря ты так о Брыкине. Газетчик он, конечно, еще молодой, но замначполит-отдела дивизии был замечательный!

Черданский. Еще бы! Забыл, что вы дружки-приятели. Нашел, кому жаловаться!

Широков. Дружки – дружками, а за газету он неплохо взялся, гвоздит с утра до ночи.

Черданский. Гвоздит, да не туда! Если бы не я – в два счета засушил бы газету. Или превратил бы ее вместе с Крыловой в сплошной почтовый ящик для читательских писем!

Широков (*улыбнувшись*). Не любишь отдела писем?

Черданский. Зато ты кое-кого там слишком любишь.

Широков. Эй, полегче на поворотах!

Черданский. Ты лучше ей, дорогой твоему сердцу Вере Ивановне, скажи, чтобы она полегче на поворотах. А то она мне по твоему же фельетону такое письмо предъявила... Не женщина – следователь!

Широков. А в чем дело-то?

Черданский. Ни в чем. В чепухе. Не хочу об этом сегодня – все-таки воскресенье. Скажи лучше, как у тебя с ней роман подвигается? Или похвастать нечем?

Широков. Хвастать такими вещами не приучен.

Черданский. Значит, нечем! (*Оглядывается.*) Вон Акопов идет! (*Кричит.*) Эй, партийное руководство, иди поближе к массам!

По аллее шагает Акопов, грузный, медлительный брюнет в плотном черном костюме; в руках у него гитара.

Акопов. Черт его знает! Наверное, тут или повар, или сторож играет. Каждый выходной настраиваю, и всегда опять расстроена. (*Подвигивает колки.*)

Широков. Ну, что ты опять в черном?

Акопов. Север, милый!

Широков. Север-то север, да ведь жара.

Акопов. Значит, привычка, милый, жена приучила. Встаю утром в воскресенье – а он уж висит выглаженный, неудобно не надеть. (*Пробует струны.*) Все-таки, наверное, повар. Он, по-моему, здесь главный ухажер.

Черданский. А ты, ухажер, тоже собираешься, кажется, играть?

Акопов. Да. И петь буду. Наши девушки просили после ужина.

Черданский. А что жена скажет?

Входит Анна Аветиковна. Она, как и Акопов, полная, черноволосая, с неторопливыми движениями. Сев рядом с мужем на скамейку, обнимает его одной рукой.

Анна Аветиковна. А я ему ничего не скажу. Он все равно для меня поет.

Акопов. Спеть? (*Делает вид, что хочет стать на одно колено.*)

Анна Аветиковна. Не надо! Ты же у меня старый, потом задыхаться будешь.

Акопов легко встает на одно колено, берет аккорд.

Ну, сядь, пожалуйста!

Акопов садится.

Черданский (*с улыбкой*). Да-с, любовь-с!

Анна Аветиковна. И не «да-с», и не «с», а остальное верно. (*Разглядывая Широкова.*) Что это у вас вид невыспавшийся?

Широков. Рано встал. Сейчас пойду, примошусь где-нибудь и сосну часок дополнительно. Люблю поспать. Хорошо это или плохо, Анна Аветиковна?

Анна Аветиковна. Хорошо. Константин Акопович всегда, когда может, спит после обеда.

Широков. А раз Константин Акопович так делает, стало быть, это и вообще хорошо?

Анна Аветиковна. Конечно.

Широков. А почему вы Константина Акоповича заставляете по воскресеньям этот черный костюм надевать?

Анна Аветиковна. Потому что я его в другие дни мало вижу. Пусть при мне в воскресенье ходит в парадном костюме.

Широков. А если жарко?

Анна Аветиковна. Ничего, пусть терпит.

Широков. Правильный вы человек, Анна Аветиковна.

Анна Аветиковна. Конечно.

Широков (*перевесив авоську с одного конца скамейки на другой, ближе к Акоповой*).
Прошу принять в знак моих чувств рыболова и человека. А авоську пришлите завтра с Константином Акоповичем, она чужая. (*Уходит.*)

Анна Аветиковна (*после молчания*). Хороший человек.

Черданский. Неплохой, но, как бы сказать... бесцельный. Спросите его, чего он хочет? Ничего он не хочет. До войны – разъездной корреспондент. С войны вернулся – опять разъездной корреспондент. А ведь три ордена получил за войну. Мог бы и двинуться! (*Взмахом руки изображает лестницу.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.